

Скопинцева Татьяна Юрьевна

РУССКИЙ ГОРОД КАК ОСОБЫЙ ТИП СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БЫТИЯ

Целью статьи является обоснование специфики социокультурной системы русского типа. Исследование феномена русского города в сравнении с европейской формой показывает существенные различия в принципах их образования и сохранения в истории. Природность-социальность-духовность в городском пространстве русского центрального типа строится на основе сохранения архаических элементов, поддерживающих её внутренние и внешние механизмы. Автор показывает, как сложились в истории алгоритмы его развития, специфика коммуникаций, формы взаимодействия центра и периферии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/9/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83) С. 166-169. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 304.2

Философские науки

Целью статьи является обоснование специфики социокультурной системы русского типа. Исследование феномена русского города в сравнении с европейской формой показывает существенные различия в принципах их образования и сохранения в истории. Природность-социальность-духовность в городском пространстве русского центрического типа строится на основе сохранения архаических элементов, поддерживающих её внутренние и внешние механизмы. Автор показывает, как сложились в истории алгоритмы его развития, специфика коммуникаций, формы взаимодействия центра и периферии.

Ключевые слова и фразы: феномен города; природность и социальность; форма и структура; элементы архаики; периферия и пограничье; центрический тип; самобытность и универсальность.

Скопинцева Татьяна Юрьевна, к. филос. н., доцент
Оренбургский государственный университет
skopintseva.t@mail.ru

РУССКИЙ ГОРОД КАК ОСОБЫЙ ТИП СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БЫТИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) и Правительства Оренбургской области (грант № 17-13-56001).

Интерес к городу как особой форме социокультурной организации сложился в европейской научной традиции, где была сформирована база исследования города и городского культурного пространства. Социальная специфика русского города требует отдельного исследования. Многоукладность, пограничность русского типа социокультурной системы, динамика, характеризующая историческое развитие и самобытность форм, в которых проявляется социальность, определяют её устойчивость во времени.

Сложность и парадоксальность русского и российского культурного типа раскрываются в работах философов, культурологов, антропологов, социологов, историков. В них исследуются проблемы, возникающие при соединении, с одной стороны, элементов, рожденных современностью, с другой – пробужденной архаики (подданничество, примат силы и т.п.). Все указанные компоненты социокультурной организации бытия проявляются в жизни современного русского города и его прямой наследницы – российской городской культуры. Неземемерность, предметность бытия раскрывается в окружающей человека действительности. Смыслы и идеи, рожденные эпохой, обретают телесную форму. Мир вещей и материальное начало бытия хранят духовное содержание, на основе которого они создавались.

Атрибуты городской культуры: площадь, рынок или агора – объединяют людей и формируют самобытное духовное пространство [7, с. 31-35]. Городская среда обрамляется художником и архитектором, создавая неповторимый облик города [5, с. 101]. В городском типе культуры рождаются специфические социальные практики. Они обретают особую форму и структуру, совершенствуются в истории или разрушают собственные прошлые разновидности. Самобытность бытия задает алгоритм развития системы: так, европейский тип городской культуры не похож на жизнь восточного города; органика социальной организации степных народов не похожа на социальные скрепы русской сельской общины. Города возникали в истории народов как гнезда социальных коммуникаций, как формы специфической организации социокультурного пространства. К городам вели дороги – города и дороги образовывали коммуникационные сети, покрывающие землю и связывающие человечество [2, с. 380-383]. Города были особым человеческим проектом духовного освоения мира, важным инструментом которого становилось искусство [5, с. 101]. Город выступал как сложный, многогранный, целостный организм. В истории каждой страны он обретал свой пластический образ. Детали, атрибуты, дороги и обочины, дворы-колодцы и узкие лестницы раскрывали городской мир – социальную жизнь горожан. М. С. Каган говорит о характере Петербурга в лицах. Это мир «Домика в Коломне» А. С. Пушкина или чиновничьей шинели Н. В. Гоголя [Там же, с. 467-468]. Город создавал особые, городские условия бытия [Там же, с. 292]. Философия и мифология города, городского пространства, его метафизический ажур рождались в истории и оформляли его дух и душу. Жизнь города всегда связана с жизнью государства. Города приходили в упадок, когда смыслы государства утрачивались [6, с. 7-10], возрождались и возникали из небытия, когда пробуждались смыслы новой социокультурной системы. Так, в ответ на вызов Великой Степи родилась Москва, а в системе противостояния Востоку возникла Оренбургская крепость. В тесноте сосуществования народов Европы города создавались как локус с крепкими границами; Оренбург – русский город – рождался как центр мироздания, стягивающий пространство «чистого поля». В культурном пограничье русский город оформлялся как противостояние чужому, враждебному окружению. Оформлением города мир русской культуры отграничивается от пустоты, не-культуры, территории, на которой для русского новатора, осваивающего пространство, знаки иной социальности отсутствовали. Раздолье и ширь евразийской степи обеспечили специфику русской социальной организации. Русскому городу несвойственна теснота европейского городского пространства, в котором площадь была подарком, простором для мира европейского праздника. Степь, окружавшая Оренбург, задавала принцип организации жизни народов, сосуществующих

в российском пограничье. Непротиворечивые формы *сливались* в систему, на этой основе русский казак и сегодня празднует сабантуй – праздник степных кочевников с силовыми играми и соревнованиями.

Движение как категория кочевой культуры является основной характеристикой функционирования социальной системы русского типа. Перемещение, перемены, переезд и описание дороги в пушкинском тексте «Капитанской дочки» занимают то место, которое в современных художественных текстах занимают характеристики места (предметного мира). Вещи в мире пушкинских героев менее значимы, чем смыслы, которые они несут, а дороги принадлежат городам и городской организации, являются важной составляющей городской социальной системы.

Город как социокультурная целостность определяет и организует жизнь человека и общества. Концепт «город» осмысливается в культуре как часть организованного и упорядоченного космоса, как опасное для человека пространство или как рукотворный мир, противопоставленный природе. В традиционном народном мировоззрении (подсознательной философской системе, как определил его Е. Трубецкой) город становится центром соответствующей мифологии.

Для анализа города и городского социокультурного пространства исследователь применяет триаду общей оценки бытия: природность, социальность и духовность. Чтобы раскрыть особенность русского пограничного города, каковым является Оренбург, попробуем выявить специфику природности-социальности и духовности русского типа. Русская и российская самобытность (сформированная на *русской* основе) складывалась в системе взаимодействия с Западом и Востоком, взаимодействуя с противостоящими друг другу ценностными основаниями. Российский тип городской организации бытия вбирал элементы западной и восточной традиций и противостоял им. Улицы, площади, образы и смыслы городского жилища, предметное содержание городской организации жизни не только внешне воздействовали на организацию жизни человека, но и во многом определяли её. История показала, что перенесение форм организации западной (или восточной) городской культуры на русскую почву без существенного воздействия на её духовное содержание [9, с. 59-60] невозможно.

Город – объективная реальность. Структура городской культуры выражается в соответствующих ценностях и идеалах. Духовная культура города в его мифологии, идеях и смыслах раскрывает для современников его историю и традиции. В метафорах, которыми мы наделяем города, мы раскрываем свое отношение к миру, социуму, духу города: родной город, город-крепость, город-спутник, город-герой, город моей мечты, город революции, казачий город... [3, с. 5-8]. Оренбург исторически – город-крепость.

Наличие систем городских социокультурных коммуникаций – важный фактор жизни социальной системы в целом. Символическое содержание, знаки и смыслы улиц, площадей, тип взаимодействия с природой или дистанцирование от природного ландшафта определяют культуру. Дистанция отношения к природе формирует особую духовную и социальную картину мира. При таком подходе человеческая история продемонстрировала нам два *стартовых* образа города – греческий и римский. Первый вписан в ландшафт, мировоззрение человека в таком окружении также основывается на близости природы и космоса, на исходной космогонии, в которой из первичного хаоса рождается гармония космоса. Так сегодня продолжает жить русская деревня. Вторая форма выстраивается на противостоянии природности, город обслуживает социальность в её иерархии (это город римского типа). В этих системах складывается определенный тип человека. В первом случае природность мира и человечества находится в гармонии, складывается особая форма духовного единения. Во втором – жители города служат великой суперсоциальной системе, особому центру мира – Риму, человек причастен суперсоциальной системе или миру в целом. На этой основе рождалась современная Европа.

Экстравертность европейского типа и стремление европейского мира расширить свою территорию и создать новые *гнезда* своей культуры противостоят русской и российской традиции оформления и закрепления социальности в пространстве. Обычай закрепления и оформления центра и пограничья в европейской и русской традиции существенно различаются. Европейский тип социокультурной организации строился как форма, противостоящая безграничности расширяющегося пространства Великого Рима и укрепляющая границы городов. Русский культурный тип укреплял центр, забывая о городском пограничье, на котором возникали Оторвановки, Серединовки, Нахаловки...

Раскрывая процесс формирования европейской культуры феодального типа, Л. П. Карсавин [6, с. 5-8] отмечает суперценность, на которой выстраивалась новая европейская культура, – *землю*. Относительно земли оформлялась система социальной иерархии. Каждый фиксировал свое отношение к земле, выделяя свой уровень социальности. Иерархия обеспечивалась на основе владения большим или меньшим количеством земли. Она породила новую форму культуры – европейское Средневековье. Город в этой системе становился локусом, вырванным из средневековой иерархии. Переступая ворота города, индивид *снял* с себя «социальную оболочку», построенную на его отношении к земле. В городе он обретал новый тип социальности, становясь бюргером, горожанином, ремесленником, студентом, членом коммуны. В городе складывались новые, особые, европейского типа формы самоуправления. Специфика европейского типа социальности пережила еще одну трансформацию, связанную с доступностью рационального (не-традиционного) знания, сформировала европейскую систему образования, в которой к позднему Возрождению до 70% студентов не имели отношения к элите [8, с. 329-344].

Совершенно иной исторический контекст сопровождал процесс рождения русского города. На просторах России, при отсутствии развернутой системы коммуникаций, связывающих населенные пункты, сохранялись принципы сельской общинной социальности, а необходимость освоения степного пространства закрепляла принципы жизни крестьянина-кочевника. Короткий земледельческий сезон и требование предельного напряжения для освоения нечерноземья не способствовали развитию макросоциальной системы европейского

типа. Исторические условия ставили задачу обустройства гнезда, ядра, центра культуры, а расстояния между населенными пунктами в евразийской степи в период, когда ставились задачи освоения этих территорий, позволяли не обращать внимания на обустройство и защиту периферии. Огромная роль придавалась способности государства защитить территорию на дальних рубежах, ближние планы социокультурной организации – её ядро, центр, кремль, дом – должны были защищать сами жители, что формировало особый, мобилизационный тип русской культуры. Складывалась свойственная русской и последующей российской народной традиции форма препоручения активных функций участия в системах управления старшему в социокультурной системе: старосте, отцу, помещику, царю. Этот принцип сохраняется и в современной России.

Городское пространство исторически выстраивалось вокруг центра. Обустройство центра и периферии в русском городе различается. Центр, как правило, хорошо организован. Периферия не получает такого внимания, на ней – знаки запущенности, ветхости, брэнности. Центральные элементы городской культуры русского и впоследствии российского типа могли обретать характер сакральности. Город городов в русской культуре – Москва. Ее сакрализованные характеристики (метафоры) – *православная; царская; матушка*. В Москве происходят главные события, Москву защищают, в Москве судят и казнят, Москва как культурная форма определяет имя всей территории – московского типа социальности и духовности. В Оренбургском регионе эти знаки несет Оренбург.

Ядерные элементы культуры русского города связаны с исторической необходимостью формировать центр русского города как крепостное сооружение. Оренбург – пример такой организации социальной системы в российском пограничье. Крепостная организация русского города сохраняется в истории, и в этом случае центр – ядро городской системы (пример этому – Кремль в центре Новгорода Великого, Москвы, других русских городов). Крепостная структура в оренбургском культурном ландшафте сохранена в планировке улиц, что хорошо видно на плане города, в названиях районов. Топоним Берды обращает нас к прошлому Оренбурга-крепости. Когда-то он обозначал место установки защитных валов, за которыми ставили орудия. В старинной казачьей песне – об этом: «Было трудно нам ребята са германца Берды брать, а еще было труднее к ихим пушкам подбегать...».

Структура города в форме ядра и периферии сохраняется в русской и российской истории. Центрическая картина мира с соответствующей организацией городского пространства, центрическое начало в организации городского социального ландшафта продолжают в ментальных структурах, формах организации властных отношений. Центр связан с космогонией, властными институтами, архаические механизмы сакрализации центра сохранены в современной России. В обыденном сознании центру предписываются все формы решения социальных и духовных проблем, на центр возлагаются все уровни ответственности. Разрешение всех проблем социокультурной организации бытия по традиции должен найти тот, кто сидит за столом-престолом, маркирующим сакральный центр. Русский князь традиционно нес бремя *вертикальной* коммуникации с богами и предками, сидя за столом. Сегодня человек, приближенный к центру, получает знаки такого особого положения. Оценка его поведения уже не соотносится с обыденными нормами. Экспрессивная лексика, действия с нарушением этики, прямой обман, который допускают те, кто приближен к сакральному центру мира, как правило, не находят должной негативной оценки. Это не прямое прощение, а *снятие* с того, кто занимает высокую должность, всех обыденных (повседневных, брэнных) нормативно-оценочных *маркеров*. Модель такого человека *повторяет* поведение культурного героя, действующего за пределами *своего* мира. Герой русской сказки совершает поступки, не получающие оценки обывателей, – в традиционной культуре он действует за пределами обыденности и имеет на это право. Как представитель архаической формы культуры он не оперирует понятием *грех*.

Процентное соотношение центра и периферии в традиционной культуре можно выявить в анализе наличия знаков центра и периферии в художественных текстах. В текстах традиционных песен оренбургских казаков и в крестьянских традиционных песнях топоним города Оренбурга явно доминирует над другими знаками пространства: «Оренбург-город», «славный город Оренбург», «Оренбургская столбовая (дорога)», «оренбургска девушка» – эти и подобные определения на порядок превышают использование знаков, характеризующих периферию. В анализе индивидуально-авторских художественных картин городского социокультурного пространства (в произведениях Ю. В. Трифонова, В. С. Маканина, Е. Гришковца, А. Кабакова, Ю. Полякова), сделанном М. Г. Водневой [3, с. 10-15], реконструируемое поле ядра занимает 25-30%; приядерная зона – 11-17%; ближняя периферия – от 15% до 36%, а дальний план – от 28% до 43%.

В современной культуре ядерная роль города в картине мира снижается. Возрастает роль универсальных социокультурных систем – Москвы, Европы, мира в целом. Локальные элементы утрачиваются, «оренбургская» специфика теряет свое первоначальное значение и даже приобретает негативный оттенок. Город Оренбург в ряде характеристик его жителей получает определения «провинциального», «несовременного», «скудного». В современном процессе самоидентификации и инкультурации оренбургская локальная специфика также не получает высокой оценки. При этом роль города как универсального пространства пребывания человека и роль городской культуры как универсальной культуры, необходимой для его жизни, увеличиваются.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Директ-Медиа, 2008. 223 с.
2. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3-х ч. М.: Языки славянской культуры, 2002. Ч. 1. Роль среды. 491 с.
3. Воднева М. Г. Национальная и индивидуально-авторская концептуализация понятия «город» в русской языковой картине мира: автореф. дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2011. 22 с.

4. **Забелин И. Е.** Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях: Государев двор, или дворец. М., 1990. 312 с.
5. **Каган М. С.** Избранные труды: в 7-ми т. СПб.: Петрополис, 2013. Т. VI. Из истории мировой культуры и философско-эстетической мысли. 692 с.
6. **Карсавин Л. П.** Культура Средних веков: общий очерк. Петроград: Огни, 1918. 105 с.
7. **Паламарчук М. Л.** Город как социокультурный феномен: дисс. ... к. филос. н. Мурманск, 2009. 134 с.
8. **Петров М. К.** Историко-философские исследования. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. 512 с.
9. **Смирнова Н. М.** Ценностно-смысловая ориентация в методологии социокультурного анализа // Рукопись коллективного труда «История методологии социального познания. Конец XIX – XX век»: сб. ст. / отв. ред. В. Б. Власова. М.: ИФ РАН, 2001. С. 59-77.

THE RUSSIAN TOWN AS A SPECIAL TYPE OF SOCIAL-CULTURAL ORGANIZATION OF BEING

Skopintseva Tat'yana Yur'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Orenburg State University
skopintseva.t@mail.ru

The purpose of the article is to substantiate specificity of the sociocultural system of the Russian type. The research of the phenomenon of the Russian town in comparison with the European form shows significant differences in principles of their formation and preservation in history. Naturalness-sociality-spirituality in urban space of the Russian centric type is built on the basis of preservation of archaic elements that support its internal and external mechanisms. The author shows how algorithms of its development, specificity of communications, forms of interaction between the center and the periphery were formed in history.

Key words and phrases: phenomenon of town; naturalness and sociality; form and structure; elements of antiquity; periphery and frontier; centric type; originality and universality.

УДК 791.43/45

Искусствоведение

В кинематографе 1930-х гг. наряду с мифологизацией советской действительности происходит не только формирование пролетарской морали, но и утверждение особого места, которое должна занять женщина. Теперь она – идеологический рупор новой жизни. В статье анализируются картины «Земля в плену» (реж. Ф. Оцеп) и «Женщина» (реж. Е. Дзиган и Б. Шрейбер), посвященные героиням, бросающим вызов старому укладу жизни и заявляющим о своем равноправном положении с мужчиной в советском обществе.

Ключевые слова и фразы: Довженко; Оцеп; Дзиган; история советского кино; женщина в кино; «новая женщина»; гендер; земля.

Смагина Светлана Александровна, к. искусствovedения

Научно-исследовательский институт кинематографии ВГИК

(Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова), г. Москва

smsval@mail.ru

ОБРАЗ «НОВОЙ ЖЕНЩИНЫ» В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1930-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМОВ «ЗЕМЛЯ В ПЛЕНУ» И «ЖЕНЩИНА»)

В кинематографе 1930-х гг. возникает совершенно уникальная вещь – наряду с мифологизацией советской действительности происходит не только формирование пролетарской морали, но и утверждение особого места, которое должна занять женщина. Задается идеал советской женщины, который должен сочетать в себе образцово-показательную мать и жену с передовой труженицей. Она становится идеологическим рупором новой жизни. Главный герой – мужчина – генерирует идеи, а героиня – доносит их до общественности. Базовые постулаты и политические установки теперь проговаривать будут женские персонажи. Как скажет героиня фильма «Член правительства» А. Зархи и И. Хейфица (1939): «Товарищи депутаты! Вот стою я перед вами простая русская баба. Мужем битая, попами пуганная, врагами стрелянная, живучая. Стою я и думаю: зачем я здесь? Это... проводить величайшие в мире законы. Это ж понять надо!».

Выходит целый ряд фильмов, посвященных женщинам, бросающим вызов старому укладу жизни и заявляющим свое равноправное положение с мужчиной в советском обществе. В данной статье остановимся на двух из них: «Земля в плену» (реж. Ф. Оцеп) и «Женщина» (реж. Е. Дзиган и Б. Шрейбер). Любопытным образом эти картины содержат идеи, созвучные заложенным в фильме Александра Довженко «Земля» (1930): смена мироустройства через трансформацию типа хозяйствования, архетип матери-земли, в чьем лоне зарождается новая жизнь, и трактор как проводник модернизации старого мира.

Архетипу матери-земли – женщине, дающей жизнь новому поколению и подпитывающей своей витальностью мужчину, который в фильмах 1930-х гг. олицетворяет одновременно движущую силу, историю и существующий тип хозяйствования, – посвящен фильм **Федора Оцепа «Земля в плену» (1927)** (картина